СОВРЕМЕННЫЕ САТИРИКИ ВОСТОКА

*

ГЛАШАТАЙ ИСТИНЫ

РАССКАЗ

ХОСРОУ ШАХАНИ
Иран

ВЧЕРА вечером я решил пораньше вернуться домой. Закруглив все дела к половине восьмого, я купил вечернюю газету и на конечной остановке уселся в автобус. Автобус был полупустой, и шофер дожидался пассажиров. Вскоре ко мне подсел какой-то господин среднего роста в черном плаще. Чтобы попусту не терять времени, я развернул газету и стал просматривать заголовки: «Иранские спортсмены на азиатском чемпионате завоевали первые места», «В ближайшее время прояснится вопрос об оплате наемных рабочих», «Премьер-министр открыл павильон цитрусовых», «Ассигнования на третий пятилетний план увеличены на 620 миллионов риалов». Дальше шли объявления и реклама: «Универмаг Рази предоставляет в ваше распоряжение самую лучшую канву за самую низкую цену», «Моднейшие женские гарнитуры — приобретайте только в магазине «Тавус-заде», «Кинотеатр «Уран» демонстрирует фильм «Битва под водами».

Я собрался было сложить газету, как вдруг заметил, что мой сосед впился глазами в какую-то заметку и, кроме нее, ничего вокруг не видит.

— Ну что, тронулись? — спросил водитель, бросив беглый взгляд в зеркало на пассажиров.

— Поехали! — ответил кондуктор.

Автобус рванулся вперед, и толчок заставил моего соседа оторваться от чтения. Я воспользовался моментом, чтобы перевернуть страницу, но он вежливо попросил:

— Извините, пожалуйста, не разрешите ли мне дочитать?

— Ради бога, прошу вас!

Пробежав последние строки, сосед поднял голову и спросил:

— Вы читали это сообщение?

— Какое?

— Да вот! — Он ткнул пальцем в небольшую заметку и, не дождавшись ответа, прочел вслух: — Мировая рыночная цена на икру упала! — Затем, насмешливо хмыкнув, воскликнул: — Комедия! Что вы на это скажете?

Я взглянул на заметку, в которой говорилось о том, что в результате переговоров наших экспортно-импортных организаций с представителями международного консорциума по добыче икры решено снизить цену на нее с семидесяти пяти долларов за килограмм до семидесяти четырех.

— Можете дальше не читать, и так все ясно! — услышал я возмущенный возглас. — Скажите, пожалуйста: вы-то когда-нибудь икру пробовали?

— Нет, не пробовал.

— До сегодняшнего дня знали о том, сколько она стоит?

— Нет, не знал.

Помолчав немного, он спросил:

— Вы принадлежите к состоятельным слоям населения нашей страны, не так ли?

Это был весьма щекотливый вопрос. Сказать «да» — кто знает, не агент ли он тайной полиции, ведущий слежку согласно закону под названием «Откуда взял?». Ответить «нет» — невольно унизишься в его глазах, без всякой на то нужды уронишь свое достоинство.

— Да так, как говорится, серединка на половинку, — уклончиво ответил я. — Как и у вас, на хлеб с маслом хватает.

— Таким образом, если я не ошибаюсь, мы с вами принадлежим к сравнительно состоятельным слоям нашего общества. И в то же время ни один из нас до сих пор не знает вкуса икры и вообще не представляет, что это такое, с чем ее едят, где добывают. И вдруг мы узнаем, что в разгар зимы цену на икру снижают с семидесяти пяти долларов до семидесяти четырех. Это, по-вашему, хорошо?

— Конечно, хорошо. Мы должны только радоваться этому.

— Чему радоваться-то?

— Снижению цены на икру.

— Я толкую тебе, — незаметно он перешел со мной на «ты», — о том, что в разгар зимы, когда многим не на что купить керосину и дров, чтобы обогреться, чем они нас благодетельствуют? Снижают, видите ли, цену на икру!.. Кстати, сам-то ты кто по профессии?

— Я работаю в одном частном издательстве.

— А... А то я уж подумал — ненароком, не агент ли ты какой-нибудь... Вот походи по судам и присмотрись: из ста дел, разбираемых там, девяносто девять вызваны нуждой и нищетой.

— Ладно, как-нибудь схожу.

Зычный голос кондуктора перебил нашу беседу:

— Следующая — Резван! Сходит кто?

— Да, останови! — попросил мой сосед и, обратившись ко мне, сказал: — Осмелюсь попросить вас уделить мне еще несколько минут.

— То есть вы хотите сказать, что я должен сойти вместе с вами?..

— Да, пожалуйста, прошу вас! Я оплачу вам дорогу на такси, так что не беспокойтесь. Просто постоим здесь на улице несколько минут, поговорим. У меня на душе накипело. Сердце кровью обливается...

Что было делать? Не отказывать же человеку в таком пустяке. Ну постою, поговорю с ним. Все

равно так рано я никогда не возвращаюсь домой.

Мы сошли. Между тротуаром и мостовой пролегала грязная, вонючая канава, в которой мокли клочки бумаги, апельсиновые корки, стоптанный башмак. «Вот вам водная артерия столицы!» — усмехнулся мой спутник. Около забора какие-то босые, полураздетые люди грелись вокруг жалкого костра. Моросил мелкий, пронизывающий дождь, и было очень неуютно.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросил мой спутник, беря меня под руку.

— Нет, благодарю вас, не хочу.

— Почему же? Давайте выпьем по кружке пива, а потом продолжим нашу беседу. Должен вам сказать, вы мне как-то сразу понравились.

— Благодарю, но...

— Никаких «но»! Примем по кружечке, весь грех за это беру на себя.

— Ну что вы, дело не в грехе. Все ведь пьют: шейхи, муллы, служащие, рабочие, огнепоклонники, мусульмане, верующие и неверующие. Просто я должен...

— Нет, нет, никаких отговорок. Все равно я вас не отпущу!

— А здесь поблизости есть что-нибудь подходящее?

— Конечно, есть, почему бы не быть! Мы же не библиотеку ищем...

Вскоре мы оказались перед распахнутой настежь дверью какой-то забегаловки. Вошли. Разношерстная публика. На столах грязные тарелки, початые и пустые бутылки. В углу мы увидели свободный столик и сели за него. Мой спутник заказал две бутылки пива с фисташками. Я предложил ему сигарету.

— Так на чем я остановился? — закуривая, спросил он.

— На этой... как ее... на канаве.

— Да черт с ней, с канавой. Это еще полбеды, мелочь. Положение с автобусом еще хуже, с такси — вообще из рук вон плохо. А уж о дороговизне продуктов и народном образовании вообще лучше не говорить... Вот я, к примеру, клянусь тебе жизнью своих трех детей, дошел уже до точки и близок к... Ну ладно, хватит об этом, давай-ка лучше выпьем.

— Как тебя, кстати, зовут?

Он назвался. И я ему представился.

— Так вот, посмотри-ка повнимательней на здешнюю публику. У каждого свой дом, своя семья, жена, дети. Что заставляет их до поздней ночи горчать тут и глушить водку?

— Наверно, здесь веселее.

— Веселее?

— Ну да!

— Что ты чепуху-то мелешь! Какое здесь веселье? Заботы, горести и невзгоды, мысли о квартплате, о занемогших близких, беспокойство за завтрашний день, страх перед сегодняшним... Тут не до веселья! Веселье у тех, кто одной ногой здесь, а другой в Лондоне, одной в Лондоне, а другой — в Соединенных Штатах. Ты только повнимательней всмотрись в эти лица. Можно ли про них сказать, что им весело?

— Не знаю, вам лучше видно.

— Почему ты увиливаешь от ответа. Меня, что ли, побаиваешься?

— Да нет, чего мне вас бояться? Просто нечего сказать.

— Вот то-то. Наша жизнь — сплошная ложь. Все мы подозреваем всех и каждого, подсиживаем, доносим друг на друга. Исчезли у нас такие понятия, как благородство, честность, принципиальность, гуманность. Каждый норовит околпачить другого. Каждый думает о том, как бы где урвать кусочек пожирней. Почти каждый, кто здоровается с тобой, намерен как-то использовать тебя в своих целях. Кто же, по-твоему, во всем этом виноват?

— Я в этом не разбираюсь.

— А лесть, подхалимство? Встречаясь, мы так приторно хвалим и превозносим друг друга, что тошно становится. В конце концов до каких пор еще терпеть, сколько же все это будет продолжаться?..

— Не знаю, что и ответить вам. Я ни в чем не виноват, шел себе домой...

— Дернем еще по кружке?

— Ну что ж, давай!

— Так ты говоришь, куда ты шел?..

— Я говорю: шел себе домой.

— Ну представь, что ты пошел бы домой, к чему бы ты пришел? И вообще те, кто шли, к чему пришли? Вот, например, Александр Македонский, Нерон, Атилла — к чему они пришли?.. Официант, два раза по сто пятьдесят граммов водки!.. Чингисхан — к чему пришел? Да что далеко заглядывать! Вот ближе: Джонсон — президент Соединенных Штатов Америки, который бросал бомбы на головы вьетнамцев, — к чему он пришел?

Увидав, что мой спутник перекинулся на международное положение, я облегченно вздохнул — ведь продолжи он дальше начатую тему, неизвестно до чего б он договорился. (Кстати, он и так уж наговорил довольно много такого, о чем я не решаюсь писать.)

Вдруг я ощутил на своем плече тяжесть чьей-то руки. Обернулся и увидел официанта.

— Вы что-нибудь хотели мне сказать?

— Да нет, ничего. Просто кафе закрывается, все уже разошлись.

Я оглянулся по сторонам и вижу, что в зале, кроме нас двоих, никого не осталось. Посмотрел на часы — половина третьего ночи. Мой приятель стал усиленно рыться в карманах брюк, потом в карманах пиджака, снова в карманах брюк...

У меня было двадцать туманов, шестнадцать с половиной я выложил официанту, несмотря на энергичные протесты моего нового знакомца. Вышли мы. Прощаясь, он сказал:

— Все, что я здесь наговорил, пусть останется между нами. Никому ничего не рассказывайте. И сами будьте поосторожней!

— Да, знаю я, — говорю. — Как вы уже изволили заметить, каждый, кто здоровается с тобой, намерен как-то использовать тебя в своих целях. Тут самому аллаху несдобровать!

— Счастливого пути!

— Прощайте.

Поскольку в этот ночной час такси достать не удалось, пришлось мне от остановки Резван до улицы Хаки, где находится мой дом, плестись пешком.

Домой я прибыл уже под утро. Жена не спала.

— Ты же, — говорит, — собирался вчера прийти пораньше и принести детям сладостей!

— Собираться-то собирался, да дело в том, что вчера вечером пришлось, как обычно, задержаться в типографии. Ты себе даже не представляешь, какие сложности мы преодолеваем. Наборщик повздорил с начальством и уволился. Взяли нового, а он еще не разобрался в наших машинах. Так что ничего не оставалось, как набирать самим. Все набирали — и директор, и главный редактор, и сотрудники журнала поголовно... Они, бедняги, и сейчас еще там трудятся.

— Ну а удалось по крайней мере вам закончить набор?

— Да, слава богу, журнал уже в печати.

— Там, на печке, я тебе оставила мясо и гороховый суп. Ты, наверно, не ужинал, садись поешь!

Перевел с персидского
Дж. Дорри